

УДК 821.161.1-312-Маканин

ЧЕХОВСКИЙ КОД В РОМАНЕ В. МАКАНИНА «ДВЕ СЕСТРЫ И КАНДИНСКИЙ»

Перинец Е.Ю.

ГУ «Днепропетровская медицинская академия МЗ Украины»

В статье рассматриваются интертекстуальные переключки романа В. Маканина «Две сестры и Кандинский» и пьесы А. Чехова «Три сестры». Выявлено, что, декодируя и десакрализируя чеховский код, В. Маканин создаёт авторский миф-притчу о будущем России, в котором появляется надежда на возвращение к былым, утраченным русским обществом, духовным ценностям. Ревизия писателем советских и постсоветских российских реалий обнаруживает возможность создания нового петербургского мифа, значимого для ценностной системы координат современного общества.

Ключевые слова: интертекстуальность, знак, духовные ценности, дом / антидом, Москва / Петербург.

Постановка проблемы. Творческое наследие Владимира Маканина является самобытным и неординарным явлением на авансцене русской литературы. Его писательская деятельность помещается в рекордные хронологические рамки, ведь почти полвека он безошибочно фиксирует проблемы современности. На протяжении этого периода, несовпадающий ни с одним мейнстримом развития литературы, он создаёт свой авторский маканинский Текст. В центре его творческой мастерской – знаменитый роман «Андеграунд, или герой нашего времени» (1998), который многие исследователи (Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий, А.С. Немзер и др.) восприняли как итоговый, несмотря на выход последующих произведений прозаика.

Но анатомирование проблем русской действительности продолжается Маканиным в прозе 2000-х годов, особенно в его последнем произведении большой жанровой формы – романе-драме «Две сестры и Кандинский» (2011), который является ещё одним важным звеном маканинского Текста. Авторский взгляд снова устремлен в прошлое, в «лихие 1990-е», преломляясь сквозь ретроспективную призму новыми смыслами. Попытки художественной реконструкции этой «узловой точки», с оглядкой на чеховский код, позволяют писателю чётче ставить диагнозы современному обществу.

Анализ последних исследований и публикаций. Интертекстуальные переключки творчества Маканина с творчеством других писателей привлекали внимание исследователей. В этом контексте значимы работы В.О. Васильевой [2], О.Л. Калашниковой [6], М.В. Селемёновой [11], Е.Ю. Перинец [9], К.О. Шилиной [13], где выявлены особые связи маканинского Текста с классической русской литературой – творчеством Ф.М. Достоевского, Ю.М. Лермонтова, Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина, Ю.В. Трифонова. Что касается выявления собственно чеховских мотивов в его прозе, то этот аспект (на примере романа «Андеграунд...») освещается в публикации Т.Л. Рыбальченко [10].

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Последний роман Маканина оказался вне фокуса специального литературоведческого изучения, за исключением некоторых рецензий (Н. Иванова, М. Кучерская, Д. Бавильский) и рассмотрения в контексте проблемы «московского

текста» (Е.Ю. Перинец). Некоторые аспекты интертекстуальных связей между чеховской пьесой «Три сестры» и маканинским романом-драмой упоминаются в статье О.Л. Калашниковой [5]. Но как отдельный объект анализа чеховский код в произведении «Две сестры и Кандинский» не рассматривался, что свидетельствует об актуальности подобных поисков.

Цель статьи. Главной целью этой работы является выявление в последнем романе Маканина чеховских знаков, представляющих собой некие константы коллективного национального бессознательного. Их декодирование позволит показать смену картины мира и ценностей русского общества, а также продемонстрировать особенно сти маканинского Текста, переосмысливающего культурные мифы и цитаты.

Изложение основного материала. Многогранность художественной палитры проблем заявлена уже в поэтике названия романа «Две сестры и Кандинский», подтверждая мысль В.Г. Бондаренко, что «маканинские заголовки – квинтэссенция времени и места», «находки для социологов» [1, с. 114]. С другой стороны, совмещая два различных культурных знака, писатель использует интертекстуальный приём как одну из текстообразующих категорий постмодернистского дискурса.

Подобная интертекстуальная игра отсылает к чеховской пьесе «Три сестры» (1900) и параллельно вводит (уже использованный в «Андеграунде...») имя-знак известного художника-абстракциониста Кандинского. Переключка романа Маканина с пьесой Чехова обнаруживается, в первую очередь, в поэтике названия произведения, дающей ключ к более глубокому пониманию этих произведений. Так, этимология числа три, использованная Чеховым, наполнена сакральным смыслом, отсылая к библейскому триединству (Троица), а также к древним архетипическим структурам – троимирию (верхний, средний, нижний миры) и хроносу (прошлое, настоящее и будущее время) [12, с. 212]. С другой стороны, заявленное число три иллюстрирует фольклорную традицию (ср. три сына, три дочери, три девицы, три царства и др.) как некую глубинную числовую константу, связанную, в первую очередь, с семьёй и домом. Таким образом, в названии заложена программная установка – идеальная, «цельная» семья, «дом-полная чаша».

Маканинские «две сестры» реализуют утрату домашней идиллии, дополняющиеся «ущербным» в этом контексте «членом» семьи – незримым присутствием художника Кандинского. Его образ является символом времени, эпохи, отсылающий к миру интеллектуальной инакомыслящей элиты советского периода, а также символически декодирующий и семейные ценности. Таким образом, переключка названий демонстрирует иную реальность романа Маканина: с «неполной», «ущербной» семьёй и жизнью, где подзаголовок чётко очерчивает время – «Сцены из 90-х».

Уже первые страницы маканинского произведения иллюстрируют период хаоса и разрушения: «А толпы растерянных! А жуткая копеечная бедность... Всюду карманники! Сумасшедшие пикетчики... А сколько нищих! А какой беспредел на улицах. Бездомные, беспризорные пацаны – с голодным волчьим взглядом! Волчата! Как будто война прокатилась!..» [7, с. 9]. От этих проблем, показывающих беспоконную и нестабильную жизнь Москвы 90-х годов, пытается дистанцироваться старшая из сестёр, Ольга Тульцева, реагируя на эти жуткие зарисовки фразой: «А у меня любовь» [7, с. 9]. Этот повторяющийся рефрен вселяет надежду молодой женщине на создание семьи, обретение настоящего дома, способного укрыть её от сложных проблем действительности. Схожее настроение прослеживается у чеховской Ольги, связывающей свои надежды на светлое будущее (брак, семья) с отъездом в Москву: «Сегодня утром проснулась, увидела массу света, увидела весну, и радость заволновалась в моей душе, захотелось на родину страстно» [13, с. 120]. Тем не менее, в обоих произведениях мажорные ноты связаны лишь с надеждами и мечтами девушек, в которые они погружаются, чтобы убежать от суровой действительности.

Примечательно, что один из главных лейтмотивов чеховской и маканинской прозы – это тема безотцовщины, которая является «причиной неустроенности и бездомности героев» [8, с. 154]. Образ отца незримо присутствует в «Трёх сестрах», воспоминания о нём рисуют картины гармоничного прошлого, наполненного целостностью и семейным счастьем. Поэтому так сильно стремление в столицу чеховских героинь в поисках утраченного ориентира жизни после смерти отца, главы семейства. Таким же незримым «закадровым» героем представлен и отец сестёр Тульцевых, «знаменитый диссидент», воспоминание о котором связано, в первую очередь, с образом Кандинского. Неслучайно, в третий раз реплика Ольги звучит по-иному: «А у меня любовь и Кандинский» [7, с. 10], соединяющая воедино любовь к мужчине (будущему мужу) и к отцу, что создаёт в её сознании идиллическую картину дома и семьи.

Само пространство «Двух сестёр...» аккумулируется вокруг образа отца Ольги и Инны – в полуподвальной студии живописи, бывшей в советское время андеграундным убежищем, а в настоящий момент служащей и домом для Ольги (ещё раз демонстрируя родственную связь с отцом). Дом-студия, соседствующая с кафе-баром, десакрализирует символ дома, не только показывает другую ипостась семейных ценностей, но

и «открывает» сакральное место для посторонних пришлых. «Дом» Тульцевых – место встречи стукачей, предстающих знаковыми героями этого периода, а «дочери диссидента своей растленной “постелью” подтверждают единение палачей и жертв, доносчиков и тех, кто сидел по их доносам» [4]. Маканин показывает изменение традиционных устоев общества, погрязшего во лжи, грехе и пьянстве, проецируя образ московского антидома-пивнушки на пространство огромной страны, демонстрируя, как и в ранних произведениях, «опасность жизни без религии, без духовных ориентиров Библии, которые способны очистить и направить людей в сторону сострадания и любви» [9, с. 134].

Значимым в этом плане является переосмысление чеховского образа Москвы, представляющего для сестёр аналогом Рая, жизнь в котором даёт надежду на обретение счастья и семьи: «Уехать в Москву. Продать дом, покончить все здесь и – в Москву...» [13, с. 120]. Их стремление в столицу можно интерпретировать как возможность ухода от горьких воспоминаний о смерти отца и Тузенбаха, как возможность нового «начала» жизни в сакральном для них пространстве. В канву произведения «Трёх сестёр» постоянно вплетается образ Москвы, окутанный ореолом счастливых мгновений детства, надежды, молодости и самой жизни.

Для маканинских москвичек таким местом надежд становится Петербург, акцентируя на проблеме противостояния и соперничества двух столиц. Примечательно, что младшая сестра Инна вместе с другими женщинами постоянно ездит в Петербург и возвращается оттуда «обновленной», «со светлой душой», «с новым зарядом», а иногда и «с новым жириновцем» [7, с. 140]. Город ассоциируется с пространством чувственности и эротики: «Шпили, как фаллосы. <...> И шпили на женщину действуют. И подъемные мосты... Казалось бы, казарма кавалергардов. Бывшая, разумеется. С вороньими гнездами. Заброшенная, разумеется!.. А я <...> иду мимо – и сердце млеет. Как на свидание пришла! Оpozдала, но ведь пришла! Прибежала, запыхавшись... Спустился два с лишним века!» [7, с. 139]. Этот эпизод демонстрирует традиционное гендерное противопоставление двух метрополий, подмеченное ещё Н. В. Гоголем: «В Москве все невесты, в Петербурге все женихи» [3, с. 102]. Поэтому и чеховское эхо преломляется иным призывом, не «надрывным» «В Москву-у-у-у!», а «журавлиным» сестринским кличем «В Пи-и-и-итер!» [7, с. 317]. Правда, символ мужского «бесстрашия» для них заключен в далёком памятнике братьям Орловым как романтическом идеале былого величия Российской империи. Хаотичная современность, в которой проходят чередой доносчики, альфонсы, жириновцы (снова актуализация политического знака), оставляет им только надежду на следующее поколение, у которого будут «высокие мысли, настоящая честь и... и... и настоящее мужское бесстрашие» [7, с. 313].

С другой стороны, Маканиным переосмысливается традиционная для классической литературы парадигма ценностей, связанная с жизнью в Москве. Так, поведение младшей сестры Инны (и старшей в некотором смысле), которая мета-

форически совпадает с образом города («Я <...> женщина. Я люблю Москву, а мечтаю о Питере» [7, с. 316]), несколько «выпадает» из установленной схемы. Она, неудачно «подбирая промахи» за Ольгой, согласна на легкомысленные отношения. Противопоставленная чеховским сёстрам по нравственной шкале ценностей, Инна персонафицирует знак мифа Москвы – города-блудницы. Её мечты о Питере, воплощающем в данном контексте мужское начало (ср. фольклорное клише Москва – матушка, Петербург – отец), намекает на возможность обретения пространства Рая и создания семьи. Именно с Петербургом, культурной столицей России, связаны надежды на светлое будущее страны, но, по справедливому замечанию О.Л. Калашниковой, писатель «и здесь готовит не ответ, а повод для размышлений, не мораль, а притчу» [5, с. 12].

Выводы и предположения. Роман «Две сестры и Кандинский» органично дополняет созданную Маканиным картину мира о России, в которой определяющую роль играет интертекстуальная переключка с чеховской пьесой «Три сестры». Подвергая ревизии чеховский код, ставший некоей константой русской действительности, пи-

сатель демонстрирует иную систему координат – московский антидом-пивнушку, где чередой проходит три поколения стукачей, метафорически показывающие разные периоды советского и постсоветского времени. В этом пространстве «расцветает» не только порок доносительства, но и пороки блуда, пьянства. Сёстры Чехова, стремящиеся в Москву-дом, резко противопоставлены маканинским прототипам, мечтающим на пороге XXI века о Петербурге, где, по их мнению, ещё возможно обрести настоящей дом и спастись от власти криминальной и беспощадной «новой Москвы». Хотя финал «почти-пьесы» (М. Кучерская) даёт надежду на возвращение к утраченным духовным ориентирам, на «дорассвет» новой Москвы-России, где останется место для чеховской «усады» и семейных ценностей. Но, как резюмирует Инна в финале пьесы: «В России надо жить долго...» [7, с. 318]. Именно эти ключевые фразы программируют созданный Маканиным миф о России, предрекающий на ожидание и возможность перемен. Поэтому **перспективой дальнейшего исследования** может стать анализ темпоральной составляющей в художественном тексте последнего романа писателя.

Список литературы:

1. Бондаренко В.Г. «Московская школа» или эпоха безвременья / В.Г. Бондаренко. – М.: Столица, 1990. – 271 с.
2. Васильева О.Н. Феномен интертекстуальности в произведениях В.С. Маканина / О.Н. Васильева: автореф. дис. на соиск. научн. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / О.Н. Васильева. – Уфа, 2015. – 25 с.
3. Гоголь Н.В. Петербургские записки 1836 года / Н.В. Гоголь // Москва – Петербург: pro et contra. Диалог культур в истории национального самосознания: антология. – СПб.: РХГИ, 2000. – С. 101-112.
4. Иванова Н.Б. «Самоднос интеллигенции» и время кавычек / Н.Б. Иванова // Знамя. – 2011. – № 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/7/iv17.html>.
5. Калашникова О.Л. «Две сестры и Кандинский» в индивидуально-авторском сверхтексте В. Маканина / О.Л. Калашникова // Держава та регіони. Серія: Гуманітарні науки. – 2018. – № 1(52). – С. 10-15.
6. Калашникова О.Л. Особенности интертекстуальности в «Андеграунде, или Герое нашего времени» В. Маканина / О.Л. Калашникова // Література в контексті культури: зб. наук. пр. – Дніпропетровськ: РВВ ДНУ, 2001. – Вип. 5. – С. 102-109.
7. Маканин В.С. Две сестры и Кандинский / В.С. Маканин. – М.: Эксмо, 2011. – 320 с.
8. Одесская М.М. Отец как внесценический персонаж в драматургии Ибсена, Стриндберга, Чехова / М.М. Одесская // Творчество Хенрика Ибсена в мировом культурном контексте. – СПб.: «Пушкинский Дом», 2007. – С. 144-156.
9. Перинец Е.Ю. Интертекстуальные связи романа В.С. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» с произведениями Ф.М. Достоевского / Е.Ю. Перинец // Антропологические сдвиги переломных эпох и их отражение в литературе: сб. науч. ст.: в 2 ч.: ч. 2. – Гродно: ГрГУ, 2014. – С. 131-135.
10. Рыбальченко Т.Л. Маканин и Чехов: приближаясь к интерпретации / Т.Л. Рыбальченко // Филологический класс. – 2010. – № 24. – С. 34-41.
11. Селеменова М.В. Художественный мир Ю.В. Трифонова в контексте городской прозы второй половины XX века: дис. доктора филол. наук: 10.01.01 / М.В. Селеменова. – М., 2009. – 575 с.
12. Флигинских Е.Е. Символика чисел в суевериях обрядов перехода народов разных языковых семей: русского, английского и марийского / Е.Е. Флигинских // Вестник Башкирского университета. – 2016. – Т. 21. – № 1. – С. 211-216.
13. Чехов А.П. Полное собрание сочинений в 18 томах / А.П. Чехов. – М.: Эксмо, 2011. – Т. 13. – 320 с.
14. Шилина К.О. Поэтика романа В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» (Проблема героя): автореф. дис. на соиск. научн. степени канд. филол. наук: спец. 10.01.01 «Русская литература» / К.О. Шилина. – Тюмень, 2005. – 25 с.

Перинець К.Ю.

ДЗ «Дніпропетровська медична академія МОЗ України»

ЧЕХОВСЬКИЙ КОД У РОМАНІ В. МАКАНІНА «ДВІ СЕСТРИ ТА КАНДИНСЬКИЙ»

Анотація

У статті розглядаються інтертекстуальні перегуки роману В. Мاکаніна «Дві сестри та Кандинський» і п'єси А. Чехова «Три сестри». Виявлено, що, декодуючи і десакралізуючи чеховський код, В. Мاکанін створює авторський міф-притчу про майбутнє Росії, в якому з'являється надія на повернення до колишніх, втрачених російським суспільством, духовних цінностей. Ревізія письменником радянських та пострадянських російських реалій виявляє можливість створення нового петербурзького міфу, який є значущим для ціннісної системи координат сучасного суспільства.

Ключові слова: інтертекстуальність, знак, духовні цінності, дім / антидім, Москва / Петербург.

Perynets K.Y.

«Dnipropetrovsk Medical Academy of Health Ministry of Ukraine»

THE CHEKHOV'S CODE IN THE NOVEL «TWO SISTERS AND KANDINSKY» BY V. MAKANIN

Summary

The article deals with intertextual rolls of the novel «Two sisters and Kandinsky» by V. Makanin and the plays «Three sisters» by A. Chekhov. Decoding and de-sacralizing the Chekhov's code, V. Makanin creates his own myth-parable about the future of Russia, that illustrates hope for returning of the spiritual values, lost by Russian society. The writer checks Soviet and post-Soviet Russian realities and discovers a possibility of creating a new myth of St. Petersburg, that is meaningful for the value system of coordinates of modern society.

Keywords: intertextuality, a sign, the spiritual values, a house / an anti-house, Moscow / Petersburg.